

Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 62–68.
Izvestiya of Altai State University. 2024. No 2 (136). P. 62–68.

Научная статья
УДК 94(36)“637”
ББК 63.3(0)
DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-09

Влияние аккультурации на формирование минойской цивилизации

Павел Владиславович Пивень¹, Елена Владимировна Ушакова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, piven@mc.asu.ru
²Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия, foaushakova@gmail.com

Original article

Impact of Acculturation on Minoan Civilization Formation

Pavel V. Piven¹, Elena V. Ushakova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia, piven@mc.asu.ru
²Altai State Medical University, Barnaul, Russia, foaushakova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием минойской цивилизации. На основе данных археологии, палеогенетики, лингвистики, исторической географии были сделаны выводы о том, что развитие минойской цивилизации следует рассматривать в контексте аккультурации доиндоевропейского субстрата двумя волнами индоевропейцев со сменой господствовавших этнических групп. Было показано, что ее формирование можно разделить на три основных этапа, связанных с различными волнами мигрантов: доиндоевропейский, индоевропейский I Раннедворцового периода, связанный с лувийцами-ликийцами, и индоевропейский II Новодворцового периода, связанный с носителями, близкими к винковацкой культуре. На основе рассмотренного материала были сделаны выводы о том, что аккультурация могла иметь первостепенное значение в формировании минойской культуры ввиду полиэтничности Крита и специфики становления минойской талассократии. Приводятся обоснования, что словарь линейного письма А мог быть в основе индоевропейским, но обогащенным заимствованиями из других языков.

Ключевые слова: Минойская культура, этеокритяне, лувийцы, линейное письмо А, этногенез

Для цитирования: Пивень П.В., Ушакова Е.В. Влияние аккультурации на формирование минойской цивилизации // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №2 (136). С. 62–68. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-09.

Abstract. The article deals with the issues related to the formation of the Minoan civilization. Based on the data of archaeology, paleogenetics, linguistics, historical geography, conclusions were made that the development of Minoan civilization should be considered in the context of acculturation of the pre-Indo-European substrate by two waves of Indo-Europeans, with the change of dominant ethnic groups. It was shown that its formation can be divided into three main stages associated with different waves of migrants: the pre-Indo-European, the Indo-European I of the Protopalatial period, associated with the Luwian-Lycians, and the Indo-European II of the Neopalatial period, associated with carriers close to the Vinkovci culture. On the basis of the material considered, conclusions are drawn that acculturation may have been of primary importance in the formation of Minoan culture, in view of the multi-ethnicity of Crete and the specifics of the formation of the Minoan Thalassocracy. Justifications are given that the vocabulary of Linear A writing could be fundamentally Indo-European, but enriched with borrowings from other languages.

Keywords: Minoan culture, Eteocrites, Luwians, Linear A, ethnogenesis

For citation: Piven P.V., Ushakova E.V. Impact of Acculturation on Minoan Civilization Formation. *Izvestiya of Altai State University*. 2024. №2 (136). P. 62–68. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-09.

Географическое положение острова Крит, считающегося главным центром минойской цивилизации, дает основание предполагать, что его заселение могло происходить каботажем, по цепочкам островов, обеспечивающих полусухопутное-полуморское сообщение с материком. В этом случае первые мигранты проникали на Крит либо с полуострова Пелопоннес, либо с юго-западного побережья Малой Азии. Подобные плавания могли осуществляться даже на примитивных плотах. Другие участки суши для подобного раннего мореходства слишком удалены, ведь один остров от другого должен был находиться в пределах видимости в ясную погоду. Люди современного типа достигли Крита примерно в IX тысячелетии до н.э., а в VII тысячелетии до н.э. на Крите могли начать формироваться культуры, для которых было характерно сочетание земледелия, животноводства и охоты с рыболовством, аналогичные предшествующим неолитическим керамическим культурам Леванта. Минойская же культура начала свое существование лишь в середине IV тысячелетия до н.э. и исчезла в начале I тысячелетия до н.э. [1, р. 12; 2, р. 1861].

Указанные временные интервалы очень велики, могло существовать несколько волн заселения острова. Ареал минойского линейного письма А, появившегося в XVIII–XVII в. до н.э. и соответствовавшего началу Новодворцового периода, при котором данная культура достигла наивысшего расцвета, довольно обширен: острова Крит, Кеа, Кифера, Мелос; Аттика; в Малой Азии — города Троя и Милет; в Палестине — городище Тель-Харор. Археологические свидетельства подтверждают проживание минойцев в том числе и на территории других племен [3, р. 280]. Соответственно, должен был происходить процесс аккультурации — взаимовлияния традиций минойцев и народов перечисленных территорий. Обоснованием для использования термина «аккультурация» может являться сохранение данными сообществами своей самоидентичности, чего не наблюдалось бы в случае их ассимиляции. Также аккультурация должна была происходить и на Крите после каждой новой волны прибывающих мигрантов, относящихся к разным этносам.

А. Эванс предполагал ливийское происхождение минойцев [4, р. 199–228]. Но географическое положение Крита исключает возможность большого притока населения с данной территории Африки. М. Гимбутас на основе пиктографических надписей на глиняных табличках, найденных в районе румынского села Тэртэрия (рум. Tărtăria), сделала предположение о том, что именно данная знаковая система, относящаяся к неолитической культуре Винча, являясь древнейшей в Европе, получила последующее развитие в кипро-минойском письме (в том числе в линейном письме А) [5, с. 335–352].

Соответственно, логично было бы предположить, что минойская культура может быть следстви-

ем распространения северобалканской культуры Винча. Схожие символы можно обнаружить и в других регионах. Так, в районе аула Али-Бердуковский в Карачаево-Черкесской Республике РФ на скалах были обнаружены аналогичные петроглифы различных периодов, от мезолита до энеолита. Они оказались близки по формам не только к балканским и средиземноморским, но и тем, что были найдены также в Западном Причерноморье и Крыму [6, с. 126].

В.Е. Георгиев предполагал, что одна часть надписей линейным письмом А была выполнена на протогреческом языке, а другая — на хеттско-лувийском [7, р. 1]. Г. Надь пришел к выводу, что язык линейного письма А содержит «греческие» и индоевропейские элементы [8, р. 181]. Р.В. Янке в линейном письме А усматривал возможные заимствования из лувийского и хеттского языков [9, р. 1]. М. Финкельберг считала минойский язык схожим с ликийским [10, р. 81]. Д.М. Факкетти и М. Негри [11], Р.А. Браун [12, р. 289] и С.А. Яцемирский [13] на основе анализа письменных источников полагали, что могла существовать связь между минойским и этрусским языками. По мнению П. Шрайвера, могла наблюдаться связь между минойской и шумерской культурами [14]. Х. Марблстоун, М. Дитрих, О. Лорец усматривали в линейном письме А некую праоснову финикийского письма [15, р. 11]. По мнению Д.С. Скотта, наоборот, минойцы свою специфичную архитектуру, кораблестроение и даже письменность могли позаимствовать у прафиникийцев [16, р. 38]. Но это противоречит объективным данным археологии, поскольку минойская культура достигла своего расцвета значительно раньше финикийской.

С.Х. Гордон считал, что этеокрытские тексты 600–300 гг. до н.э. могли иметь лингвистическое сходство с северо-западными семитскими языками, в частности, с арамейским [17, р. 148]. Ю. Ла Марль полагал, что тексты линейного письма А лексически были индоевропейскими, наиболее близкими к западно-ранской языковой группе [18, р. 130]. П.З. Ревес утверждал, что среднеминойский язык текстов линейного письма А относился к финно-угорской языковой группе [19, р. 46]. П. Серафимов и Д. Томеццоли, пытаясь дешифровать надписи линейным письмом А, находили сходство некоторых слов минойского языка со славянскими [20, р. 226]. А.А. Пушташери и М. Поджио считали минойский язык линейного письма А близким к ликийскому, а линейное письмо Б — фрако-пеласгийскому. Вместе с тем, ликийский язык, по их мнению, мог иметь родственные связи с протославянским языком [21].

Таким образом, все эти представители научного сообщества имеют кардинально расходящиеся точки зрения в отношении принадлежности минойцев к конкретной этнической группе. Один и тот же народ рассматривается ими то как семитский, то как ин-

доевропейский или даже как финно-угорский. Это актуализирует необходимость проведения исследований на основе междисциплинарного подхода с применением методов историко-генетического, сравнительно-географического и лингвистического анализа, с использованием данных археологии и палеогенетики. По нашему мнению, именно данный подход может помочь разрешить существующие противоречия.

Миграции на остров Крит могли осуществляться лишь морским путем. Рассмотрим природные предпосылки, обуславливающие наиболее вероятные маршруты. Направления морских течений Эгейского моря, омывающих Крит с севера, характеризуются циклонической циркуляцией вод (движением против часовой стрелки) вдоль его берегов. Летние пассаты в Эгейском море северо-восточного или северного направления, называемые этезии (мельтеми), довольно устойчивы и могли противодействовать древним мореходам, использовавшим прямые паруса в движении на север или северо-восток, а вот в обратном плавании, наоборот, способствовали. К востоку от Крита находится круговорот Родоса, а к западу — круговорот Пелопса, оба — циклонические, а вдоль южных берегов Крита проходит морское течение западного направления [22; 23, с. 88]. Насколько велико было значение этезий, можно судить по тому, что, по мнению Демосфена, Филипп II Македонский учитывает их при ведении боевых действий. Это был фактор, препятствующий судоходству его противников-афинян в северном направлении, для помощи Халкидскому союзу (Dem. IV, 31) [24].

Вышеуказанные природные факторы предопределили утверждение, что заселение Крита могло идти в первую очередь с севера и северо-запада. С учетом того, что было несколько волн миграций, обратимся к данным археологии и археогенетики.

Наиболее древние неолитические стоянки в Европе были обнаружены в южной части Балканского полуострова и на Крите. Неолитические популяции острова генетически оказались близки к существовавшим в Малой Азии (доминировала гаплогруппа J2a-M410, а на Балканах — J2b-M12). Археоботанические исследования также подтверждают существование этой связи. Мягкая пшеница (*Triticum aestivum*) в эпоху неолита была распространена из Северо-Западной Анатолии (возможно, и из Северного Леванта) на Крит и юг Апеннинского полуострова, при этом она отсутствует на Балканах. В бронзовом веке, вероятнее всего, путем распространения данной культуры происходили миграции населения, имевшего гаплогруппы J2a1h-M319 и J2a1b1-M92. А вот «микенский» генетический вклад в население Крита значительно более поздний (маркирует гаплогруппа E1b1b1a1b (V13)) [25, p. 205].

Из Передней Азии, с территории «плодородного полумесяца», в середине VII тысячелетия до н.э. зем-

леделие распространилось в Юго-Восточной Европе как морским путем, по островам Средиземного моря, так и сухопутным, по бассейну Дуная, что сопровождалось массовыми миграциями земледельцев из северо-западной Анатолии. В Центральной Европе и на юге Иберийского полуострова растениеводство было освоено к 5600 г. до н.э., а к концу VI тыс. до н.э. оно достигло Восточной Европы — Трипольская культура. Примерно в 4250 г. до н.э. начался упадок поселений медного века земледельческих культур в указанном районе, они обезлюдели. Сохранились археологические свидетельства проникновения в него кочевников из Северного Причерноморья, а также об экспансии культур охотников-собираателей, ранее потесненных земледельцами. Таким образом, в Восточном Средиземноморье наблюдалось активное перемещение и генетическое смешение разных групп населения: потомков мезолитических охотников-собираателей, неолитических земледельцев северо-запада Анатолии и проникших на Балканы между поздним неолитом и началом бронзового века кочевников, связанных с ямной культурой [26, p. 197].

Кого же в таком случае можно рассматривать как собственно минойцев? Ведь происходила смена культур или значительная их трансформация в связи различными катастрофическими событиями и прибытием больших групп новых мигрантов.

Неолитические культуры Крита представлены: бескерамической культурой — это самые древние слои археологических раскопок; в средних слоях наблюдается керамика, на которую нанесен узор в виде черт и точек; и в верхних слоях на керамике появляются роспись и специфический орнамент, глубокий и пролощенный, аналоги ее можно найти в малоазийской культуре Фикиртепе (VI тысячелетие до н.э.), наследницей которой была балканская культура Винча (V–III тысячелетия до н.э.), вероятнее всего, ее носителей можно отождествить с пеласгами. Различие культурных слоев свидетельствует о миграции разных этносов на остров, участвовавших в формировании раннеминойской культуры. В IV–III тысячелетиях до н.э. начались морские контакты с дельтой Нила. Соответственно, с этой территории могли прибывать мигранты. В письменных источниках Древнего Египта, Аккада, Мари, Угарита упоминается некий народ «кафторим», «керетим», каптара, «кефти», отождествляемый с критянами. В Ветхом Завете (Быт. 10, 14; Иер. 47, 4; Ам. 9, 7) «Кафтор» — это некая страна, откуда прибыли филистимляне, возможно, потомки пеласгов — «пуласати», или некое племя, вошедшее в состав этого народа. Начало Дворцового периода (в XIX в. до н.э.) совпало с возможной экспансией на остров лувийцев, о чем может свидетельствовать фонетическая близость топонимов в областях их расселения [22; 27, с. 341–342; 28].

Главным божеством минойцев была богиня-породительница всего живого, олицетворявшая хтонические силы земли, связанная не только с плодородием, но и со смертью, как дарующая жизнь, так и отнимающая ее. В эпоху керамического неолита Крита прослеживается схожесть его культурных традиций с Восточной Анатолией и Верхней Месопотамией. В Дворцовый период малоазийское влияние усилилось. Наблюдается сходство культов. В частности, об этом можно судить по найденным на Крите изображениям богини матери-природы, с поднятыми верх руками, молящейся или благословляющей. Оно схоже с аналогичными малоазийскими и со значительно более поздним древнегреческим изображением богини на Беотийском пифосе 680–670 гг. до н.э. [29]. Преемственность наблюдается и в отношении двулезвенного топора-лабриса, культа быка, одеяний, резных цилиндрических печатей, архитектуры. Так, вышеуказанные аналоги цилиндрических печатей, созданные в IV тысячелетии до н.э., были обнаружены в Арслантепе, в районе турецкого города Малатья. Они принадлежали носителям, близким к халафской культуре, и лишь затем получили распространение у минойцев. Дворцы-мегароны появляются в III тысячелетии до н.э. в Бейджесултане, в верховьях реки Меандр, на юго-западе полуострова Малая Азия и лишь позже — на Крите. Параллели с изображениями критской богини со змеями можно найти в Трояде, а ранее — в Месопотамии. На шумерской резной чаше (около 2700 лет до н.э.), найденной в районе Хафаджи, где находился древний город Тутуб, изображено женоподобное существо, без бороды, в юбке, обнаженное по поясу, держащее в поднятых руках двух змей, а также быки и большие кошачьи [22; 30, с. 333]. В этом случае культурные зачатки минойской цивилизации могут быть связаны с семитами халафской культуры, под натиском шумеров — носителей Убайдской культуры, отступавших на запад. Но рассмотренная выше специфика морских течений Восточного Средиземноморья предполагает, что, мигранты, послужившие своего рода триггером в возникновении раннеминойской культуры, скорее могли прибыть из района Трояды. Мегароны сооружались и на этой территории, а также на юго-востоке Балкан и островах Эгейского моря, а в этом случае семитское влияние могло быть лишь культурным, следов массового проживания семитов на данной территории в эту эпоху не обнаружено. Экспансия лувийцев в Малую Азию могла привести к их культурным заимствованиям у семитских народов. Начало Новодворцового периода совпало с некими катастрофическими событиями на Крите около 1700 г. до н.э. Они могли иметь как природное происхождение: вулканические извержения, сопровождавшиеся землетрясениями, цунами, климатическими изменениями, так и антропогенный характер —

нашествия завоевателей, например, Л.С. Клейн предполагал, что на остров мог вторгнуться некий народ, мигрировавший из бассейна Дуная. Археологические находки на Крите, в частности специфических сосудов «в виде фабричной трубы», наиболее близки к культуре Шомодьвар (она же — Винковацкая), занимавшей территорию близ озера Балатон и существовавшей примерно с 2300 до 1600 г. до н.э. [27, с. 163].

Изменились архитектурные формы, керамика стала примитивнее, следы пожаров на местах поселений Дворцового периода, появление новых культовых мест поклонений богам и практически полная замена ими прежних капищ, изменения в одежде — появление штанов (характерных для союзников троянцев — амазонок, узких, напоминающих трико, обтягивающих ноги, если судить по изображениям на древнегреческих вазах, а также коротких, широких, напоминающих шаровары: у фракийцев, фригийцев, скифов, мидийцев, т.е. для индоевропейских «конных» народов), длинного тонкого меча, напоминающего рапиру, судя по археологическим находкам, впервые появившегося в восточной части Передней Азии. Критская богиня-мать изображалась в этот период, т.е. около 1700 г. до н.э., в характерном индоиранском фракийско-скифско-мидийско-фригийском колпаке. Почитание богини-матери было и в Трояде. Как и на Крите, там была гора, носившая название Ида. Можно вспомнить про римскую богиню войны Беллону (лат. Bellona), культ которой слился с почитанием малоазийской Ма, среди атрибутов которой были фригийский колпак и лабрис (двусторонний топор). Троянцы, в частности Парис, в древнегреческом искусстве тоже изображались в данном головном уборе, как и многие союзники Трои. Впрочем, это могло быть лишь символическим противопоставлением грекам варваров Востока [22; 27, с. 347, 348; 29].

Может показаться странным, что минойцы Новодворцового периода, как и троянцы, могли носить штаны, ведь они были характерны для народов, предпочитавших верховую езду колесницам. Следует отметить, что в захоронениях из курганов культуры, близкой к ямной, обнаруженных на территории Балкан в Болгарии, Румынии и Венгрии, (около 3021–2501 гг. до н.э.), были обнаружены останки людей, имеющие костные изменения, характерные для всадников [31]. Вышеуказанные факты дают основание предполагать, что на Крите появился некий новый народ, вероятнее всего, связанный с индоевропейцами. Вместе с тем именно Новодворцовый период (1700–1400 гг. до н.э.) был временем высочайшего расцвета минойской цивилизации. В первую очередь культура именно этого периода рассматривается как классическая минойская. А значит, именно этих людей современные им ахейцы и дорийцы могли называть этеокритянами — истинными минойцами. Вероятнее всего, это были потомки Винковацкой

культуры, ассимилировавшие остатки лувийцев, проживавших на острове, которые ранее подверглись процессу аккультурации с доиндоевропейскими носителями минойской культуры и стали ее приемниками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс формирования минойской культуры был очень сложен. Каждая новая волна мигрантов, прибывавшая на Крит в различные исторические эпохи, приводила к ее коренным преобразованиям. Остров переживал неоднократные депопуляции, сопровождавшиеся сменой господствовавших этнических групп, от доиндоевропейцев к экспансиям индоевропейцев. Древними греками как собственно минойцы воспринимались этеокритяне. Это было условное название народа, предшествовавшего ахейцам и дорийцам на острове. К нему можно отнести представителей Новодворцового периода. Данные археологии, анализ топонимики этих территорий, результаты палеогенетических исследований позволяют сделать вывод о том, что, веро-

ятнее всего, это были представители второй волны миграции индоевропейцев на Крит. Они были близки к Винковацкой культуре и ассимилировали предшествовавших им потомков первой волны миграции индоевропейцев лувийцев-ликийцев на данный остров. Следовательно, основа словаря линейного письма А должна была быть индоевропейской, но лексически обогащенной заимствованиями у племен других языковых групп, проживавших в то время на Крите. Аналогичный процесс аккультурации наблюдался и в других сферах.

Таким образом, классическую минойскую культуру Новодворцового периода нужно рассматривать с учетом доиндоевропейского субстрата, существовавшего ранее на Крите, а также тех культурных заимствований у других народов, которые были привнесены в ходе военных или торговых экспансий Минойской талассократии и создании колоний минойцев на островах и побережьях Средиземного, Мраморного и Черного морей.

Библиографический список

1. Broodbank C. The Origins and Early Development of Mediterranean Maritime Activity // *Journal of Mediterranean Archaeology*. 2006. Vol. 19. №. 2. P. 199-230. DOI: 10.1558/jmea.2006.v19i2.199.
2. Hughey J.R., Paschou P., Drineas P., et al. A European Population in Minoan Bronze Age Crete // *Nature Communications*. 2013. Vol. 4. №. 1. P. 1861. DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms2871>.
3. Woudhuizen F.C. Documents in Minoan Luwian, Semitic, and Pelasgian // *Proceedings of the Dutch Archaeological and Historical Society*. Vol. 14. Amsterdam: Publications of the Henri Frankfort Foundation, 2016. 448 p.
4. Evans A. The Early Nilotic, Libyan and Egyptian Relations with Minoan Crete // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1925. Vol. 55. P. 199–228.
5. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини. Мир Древней Европы. М. : РОССПЭН, 2006. 572 с.
6. Каразежев Ж.В. Петроглифы Хагондоково // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2023. №. 4 (114). С. 121–131.
7. Georgijev V.E. Les Deux Langues Descriptions Cretoises en Lineaire A. Sofia: Acad. Bulgare des Sciences, 1963. fasc. 1. 104 p.
8. Nagy G. Greek-like Elements in Linear A // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1963. Vol. 4. №. 4. P. 181–211.
9. Janke R.V. The Influence of Hittite and Digraphia on Minoan Linear A Proto-Greek Libation Invocations. Ottawa: KONOSO Press, 2022. 34 p.
10. Finkelberg M. The Language of Linear A: Greek, Semitic, or Anatolian? // *Journal of Indo-European Studies*. Monograph Series 38. 2001. P. 81–105.
11. Negri M., Facchetti G.M. Creta Minoica: Sulle Tracce Delle più Antiche Scritture d'Europa // *Biblioteca dell'«Archivum Romanicum»*. Serie II: Linguistica. 2003. Vol. 55. 200 p.
12. Brown R.A. Evidence for pre-Greek Speech on Crete from Greek Alphabetic Sources. Amsterdam: Publisher: A.M. Hakkert, 1985. 408 p.
13. Яцемирский С.А. Опыт сравнительного описания минойского, этрусского и родственных им языков. М. : Языки славянской культуры, 2011. 312 с.
14. Schrijver P. Talking Neolithic: The Case for Hatto-Minoan and its Relationship to Sumerian // *Talking Neolithic: Proceedings of the Workshop on Indo-European Origins Held at the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, December 2-3, 2013* / eds. G. Kroonen, J. P. Mallory, B. Comrie. Washington: Institute for the Study of Man, 2018. P. 336–374.
15. Marblestone H., Dietrich M., Loretz O. Cyrus Herzl Gordon in Memoriam. 29.6.1908-30.3.2001 // *Ugarit-Forschungen*. 2000. Vol. 32. P. 11–36.
16. Scott J.C. The Phoenicians and the Formation of the Western World // *Comparative Civilizations Review*. 2018. Vol. 78. №. 78. Article. 4. P. 25–40.
17. Gordon C.H. The Decipherment of Minoan and Eteocretan // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1975. Vol. 107. №. 2. P. 148–158.
18. La Marle H. Linéaire A. La Première Écriture syllabique de Crète. Tome 1: Essai de Lecture. Paris: Diffusion Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1996. 135 p.
19. Revesz P.Z. Data Mining Autosomal Archaeogenetic data to Determine Minoan Origins // *Proceedings of the 25th International Database Engineering & Applications Symposium*

(IDEAS 2021), July 14–16, 2021, Montreal, QC, Canada. ACM, New York, NY, USA. 2021. P. 46-55. DOI: <https://doi.org/10.1145/3472163.3472178>.

20. Serafimov P., Tomezzoli G. Evidence for Early Slavic Presence in Minoan Crete // *Proceedings of the 9th International Topical Conference Origin of Europeans*. Ljubljana: Založništvo Jutro, 2011. P. 219–229.

21. Puztaszeri A.A., Poggio M. On Cross-Comparison of Thraco-Pelasgian with Lycian. // *Advanced Authentic Research: Research Portal*. URL: https://aar.pausd.org/sites/default/files/_iw_acm_aosheng_puztaszeri_-_milestone_5_-_poster_-_2286215.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

22. Большая российская энциклопедия // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный энциклопедический портал. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 12.01.2024).

23. Прох Л.З. Словарь ветров. Л. : Гидрометеиздат, 1983. 311 с.

24. Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М. : Памятники исторической мысли, 1995. Т. III. 624 с.

25. King R.J., Ozcan S.S., Carter T., et al. Differential Y-chromosome Anatolian Influences on the Greek and Cretan

Neolithic // *Annals of Human Genetics*. 2008. Vol. 72. № 2. P. 205-214. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-1809.2007.00414.x>.

26. Mathieson I., Alpaslan-Roodenberg S., Posth C., et al. The Genomic History of Southeastern Europe // *Nature*. 2018. Vol. 555. №. 7695. P. 197-203. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature25778>.

27. Клейн Л.С. Этногенез и археология. Т. 2. Арии и varia. СПб. : Евразия, 2013. 524 с.

28. Электронная еврейская энциклопедия // Электронная еврейская энциклопедия: научно-образовательный энциклопедический портал. URL: <https://eleven.co.il/bible/general-information/12019/> (дата обращения: 12.01.2024).

29. Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο // Εθνικό Αρχαιολογικό Μουσείο: Επίσημη Ιστοσελίδα του Εθνικού Αρχαιολογικού Μουσείου Αθηνών. URL: <https://www.namuseum.gr/collection/archaiki-periodos-2/> (дата обращения: 12.01.2024).

30. Афанасьева В.К. Орел и Змея в изобразительности и литературе Двуречья. М. : Водолей, 2007. 464 с.

31. Trautmann M., Frinculeasa A., Preda-Bălănică B., et al. First Bioanthropological Evidence for Yamnaya Horsemanship // *Science Advances*. 2023. Vol. 9. №. 9. 13 p. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.ade2451>.

References

1. Broodbank C. The Origins and Early Development of Mediterranean Maritime Activity. *Journal of Mediterranean Archaeology*. 2006. Vol. 19. №. 2. P. 199–230. DOI: 10.1558/jmea.2006.v19i2.199.

2. Hughey J.R., Paschou P., Drineas P., et al. A European Population in Minoan Bronze Age Crete. *Nature Communications*. 2013. Vol. 4. №. 1. P. 1861. DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms2871>.

3. Woudhuizen F.C. Documents in Minoan Luwian, Semitic, and Pelasgian. *Proceedings of the Dutch Archaeological and Historical Society*. Vol. 14. Amsterdam: Publications of the Henri Frankfort Foundation, 2016. 448 p.

4. Evans A. The Early Nilotic, Libyan and Egyptian Relations with Minoan Crete. *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1925. Vol. 55. P. 199–228.

5. Gimbutas M. *Civilization of the Great Goddess. The World of Ancient Europe*. Moscow: ROSSPEN, 2006. 572 p. (In Russ.).

6. Kagazezhev Zh.V. Petroglyphs of Khagondokovo. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2023. №. 4 (114). P. 121–131. (In Russ.).

7. Georgijev V.E. *The Two Languages of the Cretan Inscriptions in Linear A*. Sofia: Acad. Bulgare des Sciences, 1963. fasc. 1. 104 p. (In French).

8. Nagy G. Greek-like Elements in Linear A. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1963. Vol. 4. №. 4. P. 181–211.

9. Janke R.V. *The Influence of Hittite and Digraphia on Minoan Linear A Proto-Greek Libation Invocations*. Ottawa: KONOSO Press, 2022. 34 p.

10. Finkelberg M. The Language of Linear A: Greek, Semitic, or Anatolian? *Journal of Indo-European Studies*. Monograph Series 38. 2001. P. 81–105.

11. Negri M., Facchetti G.M. Minoan Crete: on the Trail of the Oldest Writing in Europe. *Library of the "Archivum Romanicum"*. Series II: Linguistics. 2003. Vol. 55. 200 p. (In Italian).

12. Brown R.A. *Evidence for Pre-Greek Speech on Crete from Greek Alphabetic Sources*. Amsterdam: Publisher: A.M. Hakkert, 1985. 408 p.

13. Yacemirskij S.A. *Experience of Comparative Description of Minoan, Etruscan and Related Languages*. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2011. 312 p. (In Russ.).

14. Schrijver P. Talking Neolithic: The Case for Hatto-Minoan and its Relationship to Sumerian. *Talking Neolithic: Proceedings of the Workshop on Indo-European Origins Held at the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology*, Leipzig, December 2-3, 2013. Eds. G. Kroonen, J. P. Mallory, B. Comrie. Washington: Institute for the Study of Man, 2018. P. 336–374.

15. Marblestone H., Dietrich M., Loretz O. Cyrus Herzl Gordon in Memoriam. 29.6.1908-30.3.2001. *Ugarit-Forschungen*. 2000. Vol. 32. P. 11–36.

16. Scott J.C. The Phoenicians and the Formation of the Western World. *Comparative Civilizations Review*. 2018. Vol. 78. №. 78. Article. 4. P. 25–40.

17. Gordon C.H. The Decipherment of Minoan and Eteocretan. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1975. Vol. 107. №. 2. P. 148–158.

18. La Marle H. *Linear A. The First Syllabic Script of Crete. Vol. 1: Essai de Lecture*. Paris: Diffusion Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1996. 135 p. (In French).
19. Revesz P.Z. Data Mining Autosomal Archaeogenetic Data to Determine Minoan Origins. *Proceedings of the 25th International Database Engineering & Applications Symposium*. New York, 2021. P. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.1145/3472163.3472178>.
20. Serafimov P., Tomezzoli G. Evidence for Early Slavic Presence in Minoan Crete. *Proceedings of the 9th International Topical Conference Origin of Europeans*. Ljubljana: Založništvo Jutro, 2011. P. 219–229.
21. Pusztaszeri A.A., Poggio M. On Cross-Comparison of Thracio-Pelasgian with Lycian. *Advanced Authentic Research: Research Portal*. URL: https://aar.pausd.org/sites/default/files/_iw_acm_aosheng_pusztaszeri_-_milestone_5_-_poster_-_2286215.pdf (accessed: 12.01.2024).
22. The Big Russian Encyclopedia. *The Big Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Encyclopedic Portal*. URL: <https://old.bigenc.ru/> (accessed: 12.01.2024). (In Russ.).
23. Proh L.Z. *Wind Dictionary*. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1983. 311 p. (In Russ.).
24. Demosfen. *Speeches: In 3 Vols*. Rev. ed. E.S. Golubcova, L.P. Marinovich, E.D. Frolov. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1995. Vol. 3. 624 p. (In Russ.).
25. King R.J., Ozcan S.S., Carter T., et al. Differential Y-chromosome Anatolian Influences on the Greek and Cretan Neolithic. *Annals of Human Genetics*. 2008. Vol. 72. №. 2. P. 205-214. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-1809.2007.00414.x>.
26. Mathieson I., Alpaslan-Roodenberg S., Posth C., et al. *The Genomic History of Southeastern Europe*. *Nature*. 2018. Vol. 555. №. 7695. P. 197-203. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature25778>.
27. Klejn L.S. *Ethnogenesis and Archaeology. Vol. 2. Aryans and Varia*. St. Petersburg: Evraziya, 2013. 524 p. (In Russ.).
28. Electronic Jewish Encyclopedia. *Electronic Jewish Encyclopedia: Scientific and Educational Encyclopedic Portal*. URL: <https://eleven.co.il/bible/general-information/12019/> (accessed: 12.01.2024). (In Russ.).
29. National Archaeological Museum. *National Archaeological Museum: Official Website of the National Archaeological Museum of Athens*. URL: <https://www.namuseum.gr/collection/archaiki-periodos-2/> (accessed: 12.01.2024). (In Greek).
30. Afanas'eva V.K. *The Eagle and the Serpent in the Imagery and Literature of the Mesopotamia*. Moscow: Vodolej, 2007. 464 p. (In Russ.).
31. Trautmann M., Frinculeasa A., Preda-Bălănică B., et al. First Bioanthropological Evidence for Yamnaya Horsemanship. *Science Advances*. 2023. Vol. 9. №. 9. P. eade2451. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.ade2451>.

Информация об авторах:

П.В. Пивень, кандидат философских наук, доцент кафедры природопользования и геоэкологии, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

Е.В. Ушакова, доктор философских наук, профессор кафедры физической культуры и здорового образа жизни, Алтайский государственный медицинский университет, Барнаул, Россия.

About the authors:

P.V. Piven, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Nature Management and Geoecology, Altai State University, Barnaul, Russia;

E.V. Ushakova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Physical Education and Healthy Living, Altai State Medical University, Barnaul, Russia.